

В лабиринтах культур

Мурашковский Юлий Самойлович — участник лаборатории образовательных технологий «Универсальный решатель», консультант по ТРИЗ

В детстве, — а это был конец пятидесятых, — мне подарили книгу о правилах поведения. Эта была не первая книга на модную тогда тему. Но впервые я прочитал не просто назидательные рекомендации, а историю тех или иных норм. Так я узнал, что обычаем снимать перчатку перед рукопожатием происходит от рыцарей. Они тем самым показывали, что в руке нет оружия. А, скажем, идти слева от дамы мужчина должен был потому, что на левом боку у него висела шпага. Идя справа, он неизбежно бил бы свою даму шпагой по ногам. Правда, дальше в книге было написано, что современным военнослужащим рекомендуется идти именно справа, чтобы не ударить даму локтем, отдавая честь идущему навстречу офицеру.

Вот это-то меня и удивило. Мне ведь твердили, что нормы поведения — это вечные ценности. Они не должны меняться. А тут выходило, что при изменении внешних условий меняются и нормы. Вот несколько примеров.

Может ли культурный мужчина садиться за стол в шляпе? Да ещё на официальном приёме?

Конечно, нет, скажете вы. Культурный человек так себя не ведёт.

А вот в книге о правилах поведения, изданной в Париже в 1701 году, целая глава посвящена тому, почему за столом мужчина должен сидеть в шляпе и как эту шляпу использовать, общаясь с дамами, знакомыми, «вышестоящими» аристократами и т. д.

Для женщин африканского народа рега отжаться первому встречному мужчине — вполне приличное дело. Зато для мужчины неприлично отказаться!

Нормы поведения — это только часть культуры. А как обстоит дело с другими её составляющими?

Ускорение свободного подъёма

Культура, как известно, — это комплекс достижений той или иной группы людей. Достижений не только поведенческих. Это и техника, и система научных представлений, и искусство, и социальное устройство и многое-многое другое. Техника меняется очень быстро. Наука тоже. Меняется и социальное устройство. Хотя ещё можно услышать о неизменности искусства, но для нас уже не секрет, что это не так. Искусство меняется не менее стремительно, чем техника или наука.

Выходит, культура — это не застывшее образование, а сложная и быстро меняющаяся система.

Больше того, исследования (да и наш с вами личный опыт) показывают, что культура меняется с ускорением. Если элементы первобытной культуры могли сохраняться в неизменном виде тысячелетиями, то античная менялась в течение веков, а культура нового времени могла неузнаваемо измениться за несколько десятков лет. Сейчас же изменения происходят за считанные годы. И нет оснований надеяться, что это ускорение когда-либо прекратится.

Изменения внешние отражаются и на внутреннем мире человека. Кучер и пилот авиалайнера — это не просто разные профессии. Это разные люди. У них разное мышление, разное восприятие окружающего.

Нам уже не понять, как можно съесть ногу поверженного врага, чтобы бегать так же быстро, как он; как можно испытывать радость, сжигая ведьм и еретиков. А моим собственным детям уже непонятно, как можно хранить пластинки и слушать их по сто раз. Ведь любую интересную песенку можно скачать из Интернета, послушать и тут же забыть, потому что завтра там будет ещё более интересная.

Но, может быть, всё это просто какие-то временные отклонения? Может быть, есть какая-то правильная культура, к которой человечество рано или поздно вернётся?

Что день прошедший нам готовит?

Человечество думало над этим чуть ли не с момента своего возникновения. Но наиболее интересное началось с XVII века. Географические и этнографические открытия заставили признать, что культура создана не Творцом, как человек, а создаётся самим человеческим сообществом. И на это сообщество влияет. Вот тут-то и возникла характерная для эпохи Просвещения идея о некоем «изначальном» человеке. Человеческие пороки, считали тогдашние философы, не характерны для самого человека, не заложены в нём. Они нанесены культурой, цивилизацией. А где-то там, внутри, прячется «изначальный» человек — добрый, умный, хороший.

Деятели Просвещения активно искали этого человека. В основном — среди народов, не «испорченных» цивилизацией. Но к концу XIX — началу XX века разочарование достигло апогея. «Неиспорченные» народы оказались ещё дальше от европейского идеала, чем сами европейцы.

Тогда учёные метнулись в противоположную сторону. Нет никакого «изначального человека» — заявили некоторые из них. Культура каждого народа *полностью и всецело* формирует людей этого народа. Постепенно эта идея захватила этнологию и культурологию и стала господствующей. Однако и тут всё оказалось не так просто.

Несмотря на все различия между разными культурами и людьми — носителями этих культур, у них обнаружили общие элементы. Только в отличие от представлений Просвещения, эти общие элементы относятся не к человеку, а к его животным предкам. Это рефлексy. Правда, не личные, а биосоциальные, то есть рефлексy, регулирующие поведение животных в группе — стае, стаде и т. п. Среди этих рефлексов есть, например, такие, которые заставляют молодых самцов вести себя вызывающе по отношению к старым, и такие, которые вынуждают самку вожака на всякий случай держать возле себя молодого, но перспективного самца. Похоже на людей?

Не будем, однако, поддаваться внешним аналогиям. Они тоже мало что объясняют. Такое представление о культуре оставило ряд открытых вопросов.

В первую очередь, это вопрос о том, что в поведении человека обеспечивают рефлексy, а чему приходится учиться. Например, так называемый материнский инстинкт. Английские биологи провели серию экспериментов. Самочек обезьян воспитывали не на руках у матери, а на макетах обезьян. Им неоткуда было учиться материнскому отношению. Когда у этих самок появились свои дети, они относились к ним, как к неживым игрушкам. Могли спокойно оторвать детёнышу руку или даже голову. «Материнский инстинкт» оказался не врождённым, а внесённым культурой.

Второй открытый вопрос — о соотношении рефлексов и культуры. Оказалось, что найти это соотношение невозможно, поскольку оно всё время меняется. Зато мы знаем, что культура с ускорением снижает, а то и сводит на нет воздействие рефлексов.

Третий вопрос — о появлении и исчезновении культур. Этнологи склонны культурой называть только то, что относится к большим группам, легко отличимым от других. Но возьмём, например, две молодёжные группы — «панков» и «попперов». В смысле поведения они почти неотличимы друг от друга. Самое яркое отличие — у панков на голове хохолок, часто ярко раскрашенный, а у попперов длинные волосы. И тем не менее, это две разные группы, каждая со своей культурой. Причём эти культуры настолько несовместимы, что панки и попперы открыто враждуют между собой.

Если же допустить, что своя культура есть у каждой группы, даже маленькой, даже почти неотличимой от других, то становится понятно: культуры возникают и исчезают на каждом шагу. Причём всё с тем же ускорением. Ещё живы те, кто боролся против культуры хиппи, а сама эта культура, захватив в шестидесятых чуть ли не полмира, практически умерла. Новых

сторонников она уже не создаёт. Остались только те, кто не сумел с ней расстаться.

Простых рецептов — это от Бога, а то от лукавого — найти не удастся. Культура оказалась слишком сложным явлением, чтобы подчиняться простым рецептам.

«Рок-н-ролл мёртв, а я ещё нет»

Итак, у нас получилась многоцветная картина. Культуры возникают и исчезают прямо рядом с нами. Они ответвляются друг от друга и сливаются друг с другом. Культуры эти стоят на двух основаниях — на социобиологических рефлексах и культурных воздействиях. Причём роль культурных воздействий возрастает, а роль рефлексов падает.

И всё это ещё и с ускорением.

А отсюда — целый ряд новых проблем.

Культуры рождаются или приходят со стороны. А значит, их появление вызывает проблемы у носителей уже существующих культур.

Один из первых регулярных массовых рок-фестивалей проводился неподалёку от польского города Ярочин. Огромное скопление молодёжи вызвало протест жителей близлежащего городка и жалобы в органы правопорядка. Жители жаловались на громкую музыку, на безобразное поведение пьяной и обколотой молодёжи, на постоянные драки и т. д.

Число погибших в столкновениях в Бангалоре, административном центре южноиндийского штата Карнатака, вчера достигло 26 человек. В больницы за помощью обратилось около 200 раненых. Беспорядки продолжаются уже три дня.

Причиной для кровопролития послужила первая передача по местному телевидению блока новостей на языке урду. Она вызвала возмущение жителей Бангалора, большинство которых, как и во всём штате, говорят на языке каннада (из газеты «СМ-сегодня» от 12.10.94).

Культуры развиваются. А значит, в них появляются элементы, которые не стыкуются с другими, уже бывшими ранее.

Раннехристианские секты образовались из обычных сторонников иудаизма. От прочих иудеев они отличались только тем, что были уверены в скором (при их жизни) конце света. Но конец света откладывался, поэтому для поддержания жизни секты в неё приходилось принимать сторонников других религий. Эти неофиты стали возражать против целого ряда иудаистских традиций, например, против обрезания или празднования субботы. Кстати, именно поэтому ко второму веку н. э. празднование субботы в христианских сектах постепенно сменилось празднованием воскресенья.

Культуры умирают. Но остаются в живых их носители. И они не могут жить нормально вне своей культуры.

Африканские рабы, увезённые в Америку; российские крестьяне, потерявшие землю после отмены крепостного права; пожилые люди после развала Советского Союза... Что общего между этими группами? К сожалению, общее — это массовая волна самоубийств. Оставшиеся же в живых, в основном, оказались морально раздавленными. Африканцы и российские крестьяне оправались через два-три поколения, бывшие советские пожилые люди пока прежнюю массовую активность так и не восстановили.

Культуры умирают. Но остаётся их материальное «наследие». И оно не вписывается в уже образовавшийся мир новых культур.

Новая звукозаписывающая и звуковоспроизводящая техника привела к тому, что культура пластинок умерла. А кассет и компакт-дисков с теми же записями нет. Личный пример — моя коллекция пластинок джаза, раннего рока, авторской песни и других оказалась уже ненужной. Ею не могу пользоваться я, ею в принципе не будут пользоваться мои дети.

Чему учить наших детей? Как готовить их к этому лабиринту культур? Как сделать, чтобы никогда не повторялась следующая ситуация:

Если вы помните, рок-н-ролл в своё время был «идеологическим оружием империалистов». А вот что в это же время происходило в США.

«Общественность США и даже государственные органы буквально объявляют войну рок-н-роллу как явлению, разрушающему американскую культуру. По радио, телевидению и в печати выступают сенаторы, священники, общественные деятели и учителя, обличая рок-н-ролл, призывая молодёжь к благоразумию. Одни говорят о «чёрной заразе», другие утверждают, что всё это дело рук коммунистов, решивших использовать рок-н-ролл как идеологическое оружие и подорвать американскую мощь изнутри».

Зри в корень!

Задача обучения осложняется тем, что элементов культуры много. Отказаться от одного из них в пользу другого невозможно. Эти эксперименты над нашими детьми уже проводились — то увеличивали часы на естественные науки, то уменьшали их в пользу гуманитарных.

Хотя какой смысл увеличивать часы на обучение, если так и не понятно, чему, собственно, надо обучать?

Но, может быть, всё не так уж страшно? Может быть, в сложности и многообразии культурных и межкультурных проблем всё-таки можно разобраться? Давайте возьмём одну из таких проблем и рассмотрим её повнимательнее.

Королевство Тонга — маленькое островное государство в Океании недалеко от восьмидесятого меридиана. От более известного государства Западное Самоа его отделяет только сравнительно небольшой пролив.

Тонга — достаточно современная страна. У неё есть даже своя конституция. Один из разделов конституции гласит, что государственной религией Тонга является методизм (одно из направлений баптизма). Однако около тридцати процентов населения — адвентисты седьмого дня. И между ними и методистами постоянно возникают конфликты.

Как эти конфликты устранить?

Вот типичная межкультурная проблема. Она в качестве учебной задачи рассматривалась на многих семинарах по ТРИЗ. В основном решения были такие: изменить конституцию, заставить адвентистов подчиняться большинству, выселить этих адвентистов, чтоб не мешали спокойно жить, и т.п. Хотя всем понятно, что последние два предложения — это просто насилие. А первое... Почему-то все соглашались с тем, что в своей стране изменить конституцию невероятно трудно. А в чужой меняют направо и налево.

В конце концов слушатели приходят к классическому выводу: дело это тонкое, лучше не вмешиваться, как-нибудь, бог даст, они и сами разберутся.

А всё дело в том, что в такой постановке проблема действительно неразрешима. В первую очередь потому, что мы не знаем, в чём заключается конфликт.

Давайте представим себе, что перед нами сидят два тонганца — методист и адвентист. Что они нам расскажут? Скорее всего, они начнут со взаимных обвинений во всех смертных грехах. И только если нам с вами хватит терпения и мудрости, мы постепенно поймём, что в основном конфликта-то и нет. Его нет ни в понедельник, ни во вторник, ни даже в пятницу. Он начнётся в субботу.

Оказывается, по нормам методизма выходным днём является воскресенье. О чём и сделана соответствующая запись в конституции. А у адвентистов выходной — суббота. И они, даже ценой нарушения конституции, отказываются в этот день работать. Зато готовы работать в воскресенье, когда не желают работать методисты.

Сложная и непонятная проблема стала превращаться во вполне понятную задачу. Давайте её сформулируем.

Королевство Тонга — маленькое островное государство в Океании недалеко от восьмидесятого меридиана. От более известного государства Западное Самоа его отделяет только сравнительно небольшой пролив.

Тонга — достаточно современная страна. У неё есть даже своя конституция. Один из разделов конституции гласит, что государственной религией Тонга является методизм (одно из направлений баптизма). По нормам методизма — и это записано в конституции —

выходной день — воскресенье. Однако около тридцати процентов населения — адвентисты седьмого дня. И по их правилам выходной — суббота. Возникает множество бытовых и производственных проблем. Сделать же два выходных неприемлемо ни по религиозным, ни по экономическим причинам.

Как быть?

Такую задачу уже можно решать. Потому что это типичная открытая задача. И решается она, как и все открытые задачи, с использованием ресурсов. Если помните, Тонга находится около стовосьмидесятого меридиана, то есть линии перемены дат. А за этой линией — Западное Самоа. Вот и живут тонганские адвентисты по самоанскому календарю. И когда у методистов наступает воскресенье, у адвентистов — положенная им для отдыха суббота. Так тонганцы и живут уже более чем полвека.

Итак, внутри неразрешимой культурной проблемы лежала вполне разрешимая задача. Но всегда ли это так?

Рождение сына для бедуинов—настоящий праздник. В честь этого события положено зарезать овцу и устроить пир. Однако, если отец ребёнка в этот момент находится в отъезде (а это явление частое, бедуины — кочевой народ), подготовка к празднованию оказывается под угрозой срыва. Если же пир не будет организован, мать и ребёнок будут покрыты позором на всю жизнь.

Как сохранить доброе имя женщине и её сыну?

В таком виде эта проблема тоже неразрешима. Но мы уже знаем, что делать. Расспросим-ка бедуинов о сути дела. И окажется, что всё дело в том, что зарезать овцу — это сугубо мужское дело, женщине это делать просто неприлично. Но столь же неприлично обращаться за помощью к любому другому мужчине. Задача становится конкретной, а значит, разрешимой.

Рождение сына для бедуинов— настоящий праздник. В честь этого события положено зарезать овцу и устроить пир. Однако если отец ребёнка в этот момент находится в отъезде, то зарезать овцу некому — это сугубо мужское дело, женщина не имеет права этим заниматься. Обращаться за помощью к другим мужчинам тоже неприлично.

Как же зарезать овцу?

Снова открытая задача. И снова она решается с использованием ресурсов. Нужен мужчина — и он есть. Это новорождённый сын. Чтобы зарезать овцу, ему не хватает только сил и умения. Но они есть у матери! И в таких случаях бедуинские женщины вкладывают нож в руку ребёнка, и уже этой рукой режут овцу.

Выход из лабиринта

Что же нам понадобилось для решения обеих проблем? Какие приёмы, какие навыки, умения?

Во-первых, мы поняли, что сложная, запутанная проблема в конечном итоге сводится к конкретной открытой задаче.

Во-вторых, мы выделили саму суть проблемы — те два требования, которые никак не могут помириться между собой (в наших примерах: разные выходные у разных групп людей и необходимость и невозможность для женщины зарезать овцу).

В-третьих, мы сразу ввели для себя жёсткое ограничение: оба конфликтующих требования равны. Нет «правильных» методистов и «неправильных» адвентистов (или наоборот). Нет «умных» традиций и «глупых» традиций. Только признав полное равенство обоих требований, мы смогли решить наши проблемы.

В-четвёртых, мы применили вполне определённую методику решения открытых задач. В данном случае — некоторые приёмы ТРИЗ.

И обе такие разные проблемы были решены.

Так, может быть, именно этому и стоит учить наших детей?!

Не бояться запутанных проблем, а спокойно превращать их в задачу. Вспомните

пример о рок-фестивале под Ярочином. Скажите честно, на чьей стороне вы были бы в этом конфликте? Так вот, когда милиция стала разбираться с жалобами, она обнаружила, что музыка была не такой уж громкой. Организаторы фестиваля установили жёсткий сухой закон, и пьяных просто не было. Драк, естественно, тоже. А задача заключалась в том, что для обеспечения сухого закона были на всю неделю закрыты все соседние винно-водочные магазины. И местные жители остались без водки.

Видеть не только обобщённые этические аспекты проблемы, но и конкретные конфликтующие требования. Истинные причины конфликта— не «бездуховность» рок-музыки и не «проблема отцов и детей», а вполне конкретный сухой закон на рок-фестивале и столь же конкретное многолетнее пьянство маленьких городков.

Никогда, ни под каким соусом не позволять себе считать одно требование более значимым, чем другое. Сухой закон на рок-фестивале— это, конечно, требование важное. Но внезапно лишить выпивки людей, которые пили, что называется, веками — тоже в корне неправильно.

И, наконец, уметь решать открытые задачи. Хотя данная ситуация — даже и не задача. Просто при организации следующего фестиваля местных жителей предупредили заранее, объяснили причины закрытия магазинов. Они сделали соответствующие запасы. И «конфликт отцов и детей», а также борьба за «духовность молодёжи» просто-напросто исчезли.

И, когда мы научимся всему этому сами и научим этому наших детей, может быть, в какой-нибудь книге дети прочтут, что старая добрая традиция сперва размахивать кулаками и обвинять во всех смертных грехах, а потом думать возникла в те далёкие времена, когда люди ещё не знали методов решения проблем.